

Самостоятельная работа №4
КУЛЬТУРА КАЗАНСКОГО
ХАНСТВА

Думкина Марина

321 гр.

В Казанском ханстве, прежде всего в его столице Казани, широкое развитие получили строительное дело и архитектура, в том числе и монументальная. Это подтверждается сообщениями очевидцев, данными писцовых книг середины XVI века, некоторыми выдающимися архитектурными памятниками, сохранившимися на территории Казанского кремля, а также обнаруженными там при археологических исследованиях фундаментами тогдашних строений и некоторыми архитектурными деталями.

А.Курбский писал про ханский дворец, что он «зело крепок, между палат и мечетей каменных». Известный татарский историк архитектуры, доктор искусствоведения Ф.Х.Валеев полагал, что это было двухэтажное здание с аркадой-галереей, т.е. длинным балконом на колоннах, и имело сходство с подобными сооружениями Крыма и Турции того времени. Общеизвестны слова Курбского о «зело высоких» «мурованных», т.е. каменных мечетях с очень высокими минаретами, где, как он сообщает, были погребены их умершие «цари» – ханы. А автор «Казанской истории», описывая внутреннее убранство Муралеевой мечети, принадлежавшей названному выше знаменитому карача-бию Нурали Ширину, отметил, что «на царьских гробех покровы драгие, усаженные жемчюгом и камением драгим».

Писцовые книги 1563 – 1568 годов зафиксировали на территории кремля несколько мечетей, сохранившихся от разрушений при завоевании Казани, среди них названная выше Муралеева и мечеть у ханского дворца. Последняя, видимо, являлась Соборной – это та восьмиминаретная мечеть, о существовании которой писал крупнейший татарский историк прошлого столетия Ш.Марджани на основании каких-то известных ему национальных источников. Знаменитый казанский историк М.Г.Худяков высказал вполне резонное предположение о том, что эта мечеть послужила прообразом для московского храма Василия Блаженного на Красной площади, сооруженного в 1555 – 1560 годах в честь взятия Казани. Девятый, центральный купол этого храма, возвышаясь над остальными восемью, олицетворял победу креста над полумесяцем – русских над татарами в 1552 году. Сохранились сведения о том, что те восемь куполов, снятые с казанской Соборной мечети, были привезены тогда в Москву на двенадцати подводах.

О существовании мечетей монументальной застройки не только в кремле, но и в самом городе, в его пригородах-слободах, например, в слободе Кураишево, даже в сельском Заказанье, свидетельствуют некоторые данные писцовых книг и отдельные рисунки подобных сооружений чуть более позднего времени. Помимо ханского дворца и мечетей, были, особенно на территории Казанского кремля, и другие сооружения кирпично-каменной кладки. Часто упоминаются в источниках различные «палаты», т. е. дворцы, среди них того же Нурали Ширина («Муралеева палата»).

Выдающимся памятником культового зодчества Казанского ханства, сохранившимся на территории кремля города Казани, является знаменитая башня Сююмбике. Было много споров среди историков, архитекторов, представителей общественных кругов о времени сооружения, культурной принадлежности и о назначении этой овеянной легендами башни, иными словами, когда, кем и для чего она построена. Само собой разумеется, что рамки небольшого раздела школьного учебника не позволяют осветить все эти проблемы во всей своей полноте. Вынуждены обратить внимание учащихся лишь на следующее.

Каких-либо татарских или русских документов, иных материалов, свидетельствующих о сооружении башни Сююмбике в тот или иной период, нет. Татарских нет потому, что архив Казанского ханства, где могли бы быть подобные данные, увезен в Москву и его дальнейшая судьба неизвестна до сих пор. Русские источники молчат о построении этой башни уже в так называемый русский период, т. е. во второй половине XVI – XVIII веков, хотя возникновение ряда крупнейших русских памятников этого времени известно точно. Это – Благовещенский собор, Спасская башня и некоторые другие объекты кремля (вторая половина XVI века), Дрябловский дом (XVII век), Петропавловский собор (XVIII век). Если бы и башня Сююмбике была построена в один из этих периодов, то это стало бы известно так же, как и названные только что памятники. К тому же строительство такого крупного, самого высокого в Казани сооружения, как эта башня, непременно вызвало бы резонанс в общественном мнении того или иного русского периода. Однако никогда русские не считали ее своей, не слагали про нее песни, легенды, другие произведения фольклора, никогда не поклонялись ей, не освящали ее.

Целая плеяда русских историков-ученых прошлого столетия и представители православного культа (К.И.Невоструев, С.М.Шпилевский, М.Н.Пинегин, Н.П.Загоскин, П.Е.Заринский, П.Невзоров и др.), не говоря уж о татарских историках-востоковедах, особо отмечали, что башня Сююмбике является объектом предельно уважительного отношения к ней со стороны татарского, а не другого народа, что именно татары столетиями придавали ей священное значение. Следует подчеркнуть, что она не случайно названа именем той царицы-мусульманки, которая являлась убежденным и активным борцом за свободу и независимость своего государства, которая была и остается героиней татарского народа.

Наконец, по своему архитектурному решению, стилевым особенностям, композиционным приемам и деталям оформления башня Сююмбике является ярко выраженным памятником татарского зодчества. Как справедливо отметил один из известных знатоков русской и национальной архитектуры профессор В.В.Егеров, контрастная ярусность и резкая ступенчатость отличают эту башню (в этом плане она близка к архитектурному стилю известной Черной палаты XIV века на территории Булгарского городища) от памятников русского культового зодчества с их плавным подчинением составных частей.

Чем же являлась эта башня? На этот вопрос, к сожалению, до сих пор точного ответа нет. Одни исследователи считают ее минаретом соединенной с ней мечети Нурали, другие – грандиозным надмогильным памятником, сооруженным Сююмбике над прахом своего мужа, казанского хана Сафы-Гирея. Вполне возможно, что она была использована в качестве наблюдательного пункта в трудные для Казани времена – в 1552 году и в последующие периоды. Необходимо также отметить, что в 1991 году по решению правительства Республики Татарстан на башне Сююмбике был восстановлен полумесяц.

На территории Казанского кремля сохранился еще один памятник культового зодчества татар – это здание бывшей, уже не раз упомянутой мечети Нурали (в настоящее время оно используется в качестве столовой). Долгие годы после падения Казани эта старая мечеть служила артиллерийским складом, потом ее превратили в церковь Введения, а в 1854 году отреставрировали под Дворцовую церковь, тогда она была значительно изменена в своей верхней половине. Однако о былых татарских временах свидетельствуют такие яркие элементы национальной архитектуры фасада второго этажа, как система и формы колоннад между окнами со скосами в верхней части.

Данные археологических исследований показывают, что архитектура Казани обогащалась резной орнаментацией, облицовкой стен мозаичными и майоликовыми плитами, а также узорными кирпичами и облицовочными плитами с изящным орнаментом. Материалы раскопок не оставляют сомнений в существовании в средневековой Казани ремесленников-художников, более того, целой школы этих мастеров по изготовлению перечисленных выше видов декорировки дворцов, палат, мечетей, мавзолеев и иных сооружений.

Декор – слово латинское и означает систему украшения какого-нибудь сооружения: его фасада, т.е. передней, лицевой стороны, и интерьера, иными словами, внутреннего пространства здания. Со словом «декор» связано декоративное искусство, разделенное на монументально-декоративное (украшения произведений архитектуры) и декоративно-прикладное (создание художественных предметов для общественного и частного быта) искусства.

Массовым видом ремесла, доведенного до уровня искусства, была резьба по камню. Помимо архитектуры, она нашла весьма широкое применение в художественном оформлении надгробных камней – эпитафических памятников второй половины XV и особенно первой половины XVI веков. Эти памятники отличаются от эпитафий более раннего времени, т.е. от болгарских, богатством и разнообразием мотивов и узоров, используемых в их резном декоре. Тонкая растительная орнаментация и пышные надписи поражают не только рядового зрителя, но и тонкого знатока средневекового камнерезного искусства.

Самого высокого уровня развития достигло ювелирное искусство, изготовление различных украшений из благородных металлов в сочетании с самоцветами, т.е. драгоценными камнями. Работы татарских золотых и серебряных дел мастеров поражали автора «Казанской истории», который, характеризуя деятельность хана Мухаммед-Амина, отметил, что «подела себе царь венцы драгие, и сосуды и блюда сребряныя и златыя, и царьский наряд драгий устрой». И при описании событий последующих времен он нередко рассказывал о больших драгоценностях у казанских ханов и богатых сановников. Ханская казна обогатилась ценнейшими ювелирными изделиями, о чем свидетельствует опись, проведенная князем Василием Серебряным в августе 1551 года при аресте царицы Сююмбике: «... *преписоваше цареву казну всю и до пороха, и запечатав самодержцовой печатю, и наполнив до угружения (нагрузив полностью) 12 лодей великих (больших речных судов), златом и сребром, и сосуды сребряными и златыми, и украшенными постелями и многоразличными одеянами царьскими и воинскими оружьи всякими, и высла ис Казани преже царицы со инем воеводою в новый град (Свияжск)*». Оттуда они были отправлены в Москву.

К сожалению, до сих пор неизвестно, где находятся все эти увезенные тогда из Казани драгоценности в полном своем объеме. Часть из них попала затем в известные музеи Москвы и Санкт-Петербурга: в Государственную Оружейную палату в Московском Кремле, Государственный исторический музей на Красной площади, Музей российской этнографии (бывший Музей этнографии народов СССР в Ленинграде). Среди хранящихся в них ценнейших находок – знаменитая «Казанская шапка», т. е. корона казанских ханов, сделанная из золота в высокой ювелирной технике скани, в сочетании с самоцветами и отороченная соболиным мехом высшего качества; золотые поясные застёжки и серебряная амулетница, выполненные также в технике скани в сочетании с зернью. В Государственном музее Республики Татарстан имеются некоторые образцы золотошвейной вышивки и золотые пуговицы; там же – орнаментированный латунный кувшинчик (он слегка испорчен при извлечении его из полуразрушенного старого дома в Казани). Ювелирное искусство Казанского ханства нашло продолжение и дальнейшее развитие в искусстве казанских татар последующих времен, получив поистине мировую известность. Знаменитые воротниковые застёжки и хаситэ, браслеты и серьги, накосницы и ожерелья, бляхи и броши, амулетницы и коранницы из золота и серебра в сочетании с хрусталем, бирюзой, сердоликом и другими драгоценными камнями, в изготовлении которых применяли такие высокохудожественные виды ювелирной техники, как бугорчатая и плоская скань, зернь, инкрустация, глиптика, гравировка, чернение по серебру, являются неповторимыми шедеврами народного искусства, проявлением художественного и поэтического мышления татарского народа. Достаточно широкую распространенность получила в Казанском ханстве письменность на основе арабской графики, появившаяся в крае еще в начальный период Волжской Булгарии и явившаяся основой грамоты в Золотой Орде. Обучались, как и прежде, в мектебе и медресе; вероятно существование медресе и высшего типа, например, известное медресе Кул Шерифа. Грамотность была необходима в первую очередь представителям администрации и духовенства, но и среди населения она имела достаточное распространение. На арабской графике писались официальные документы внешнеполитического характера, деловые бумаги, ярлыки, а также эпитафии, письма, поэмы.

Кроме письменной литературы, последующее развитие получило и устное народное творчество. Легенды и предания о возникновении Старой и Новой Казани своим происхождением, несомненно, связаны с этим периодом. Литературоведы относят к этому же времени такие произведения эпического характера, как «Алпамыш», «Чура-батыр», «Джик-Мэргэн», «Ханэкэ-Солтан байты» и др. В казанский период получил широкое распространение героический эпос «Идегей».

И среди представителей высшего класса, и в народе большой популярностью пользовалась вокальная и инструментальная музыка, основанная на пентатонике (гамма из пяти тонов). Татарские народные песни имеют глубокие корни и, естественно, пелись они и в этот исторический период. Казанский летописец рассказывает, как казанцы в осажденном городе играли и пели свои протяжные песни. Однако раньше он видел, как казанцы «радоватися и веселитися», «прелестные песни поющи», «пля-шущи и играющи в гусли своя, и в прегудница ударяющим». Эти песни и пляски сопровождали народные праздники на Царевом лугу под Казанью, на Арском поле. То же происходило, конечно, и в деревнях. Это были праздники типа известных нам джиинов и сабантуев.